

Он выдохнул струю воздуха с душком, одной рукой нащупал на изголовье кровати веревку и попытался связать Линь Шэню руки.

Из-за того, что Линь Шэнь отчаянно сопротивлялся и отбивался, толстяк побагровел от злости. Он с размаху влепил Линь Шэню пощечину, брызжа слюной:

— Ах ты, паршивец! Заставляешь меня применять силу!

Связав Линь Шэня, он одарил его омерзительной улыбкой:

— Умница, братец сейчас тебе...

Линь Шэнь лишь смотрел на него — в глазах читалась такая запредельная ярость, что, казалось, он вот-вот сотрет зубы в порошок.

Ему хотелось орать во всю глотку: катись к черту, ты, грязная, вонючая псина... Он хотел выплеснуть все ругательства, на какие был способен, чтобы выразить свое отвращение и гнев.

Но вдруг понял: когда человека охватывает такая буря чувств, он не в силах вымолвить ни слова. Горло перехватило, а тело само собой затряслось в приступе неконтролируемой дрожи.

Толстяк разорвал на нем футболку, ущипнул за нежную, белую талию, а затем склонился, впиваясь жирными губами в его шею...

В грязной, провонявшей комнате съемной квартиры Хэ Жаньжань сидела на полу со связанными руками, издавая сдавленные всхлипы.

С того ракурса, где находился Линь Шэнь, он видел взгляд Хэ Жаньжань. Их глаза встретились, и это чувство невыносимого унижения раздавило мужскую гордость Линь Шэня в пыль.

— Ноль-ноль-один, дай мне нож.

Он убьет этого ублюдка. Любой ценой.

Пусть его посадят, пусть он заплатит жизнью — сейчас в голове у него бурлила кровь, и каждая клетка кричала: он должен зарезать эту мерзость.

— Хозяин... у вас больше нет баллов... — Голос Системы был едва слышен, в нем даже проскользнула несвойственная машине нотка вины. — Простите, Хозяин...

Линь Шэнь закусил губу до крови, на ней выступили ярко-алые капли.

— А люди? Я вызвал полицию по дороге сюда.

— Они уже в пути, скоро будут... Хозяин, потерпите...

Линь Шэнь смотрел на толстяка сверху вниз и процедил сквозь зубы:

— Запомни, тварь. Если хватит духу — прикончи меня здесь...

— Но если я выживу, я не буду носить фамилию Линь, если не превращу твою жизнь в сущий ад...

Толстяк расстегнул ширинку, навалился на Линь Шэня и издал похотливый смешок:

— Да как я могу тебя прикончить? Я заставлю тебя умолять о смерти...

Линь Шэня охватило физическое и душевное отвращение, все мышцы напряглись до предела, внутренности скрутило, а по телу заструилась обжигающая кровь... Гнев жег его, перемешиваясь с непреодолимым страхом.

В конце концов, из глаз Линь Шэня невольно покатались слезы, стекая по вискам на почерневшую подушку.

Его глаза, налитые кровью, светились такой холодной жадой убийства, словно затаившийся зверь, готовый в любой миг перегрызть глотку.

Толстяк вдруг ощутил ледяной холод, и его движения застыли.

Раздался грохот выбиваемой двери, и Линь Шэнь, пребывавший в полузабытьи, наконец пришел в себя...

Полиция ворвалась внутрь. Толстяк даже не успел подняться, как на него наставили черные дула пистолетов.

Его скрутили, а Линь Шэнь сполз с кровати.

Он не хотел признавать, но ноги его дрожали. Лишь спустя какое-то время он смог кое-как устоять на ногах.

Дальнейшее он помнил смутно: обеспокоенные лица полицейских, их мягкие расспросы, рыдания Хэ Жаньжань, ее бледное личико...

Эти воспоминания расплывались, и с годами превратились в сплошное белое пятно.

Но кое-что он запомнил отчетливо.

Потолок в паутине, почерневшую от плесени подушку, прерывистое дыхание толстяка.

И самый яркий момент: толстяка заковывают в наручники, на его лице — пот и жир, а он смотрит на Линь Шэня с безмятежной, сияющей улыбкой:

— Ну вот и загремел я в участок. Невыгодная сделка...

Линь Шэнь ехал домой, и ночные фонари казались ему неестественно тусклыми.

Система пыталась заговорить с ним, но обнаружила, что мозг Линь Шэня пуст, он почти не осознавал происходящего.

Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань пришли в его комнату. Чэнь Цинъюй долго обнимала его, пытаясь утешить, а Линь Ваньнань стоял рядом с подавленным видом, не проронив ни слова.

Линь Исин тоже стоял у кровати, храня молчание.

Вид Линь Исина вызывал у Линь Шэня тошноту, и слушать его он не желал.

Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань взяли для него неделю отгула, практически не отходили от него ни на шаг, стараясь уберечь от психологической травмы.

Через пару дней Линь Шэнь пришел в норму.

По крайней мере, внешне он стал прежним, будто ничего и не случилось.

Он сам вышел на связь с Системой, желая прояснить ситуацию с баллами.

— Откуда у меня взялись 50 баллов?

— Главный герой однажды проникся к вам симпатией.

— Ха, в какой день?

— В тот самый, когда вы получили пощечину.

— А как мне заработать еще баллы?

— Выполняя скрытые задания. Баллы можно тратить на полезные предметы, чтобы спасти тех, кто попал в беду, включая вас самих.

— И какие есть скрытые задания? Выкладывай.

— Заставить главного героя искренне рассмеяться — плюс 50; заставить его открыться и поделиться сокровенным — плюс 50; заставить его произнести более пяти предложений за один разговор — плюс 50; взять его за руку — плюс 50...

Линь Шэнь нахмурился:

— Забудь, не надо...

Он пока не хотел подлизываться к Линь Исину.

Хотя та мерзкая история случилась не по его прямому приказу, но он был к ней причастен. Да и трудно общаться с человеком, который в столь юном возрасте оказался настолько жестоким и бессердечным.

— Этот месяц Линь Исин часто задерживался после школы. Он выслеживал их? Как он это провернул?

— Он изучил местность вокруг школы, вычислил место, где похититель заманивал детей, и собрал улики. Поняв периодичность действий преступника, главный герой подстроил все так, чтобы героиня, закончив уроку, пошла именно в тот переулок.

Неудивительно, что похититель не сдал Линь Исина — у того был на него компромат. Да и... вряд ли бы кто-то поверил словам ребенка.

Тогда... почему молчала Хэ Жаньжань? Наверное, из страха перед молодым господином из семьи Линь?

Линь Шэнь лег в кровать и уснул.

В полудреме он почувствовал щекотку у губ... Медленно открыв глаза, он обнаружил рядом с собой человека.

Линь Шэнь перекатился, оседлал Линь Исина и принялся колотить его.

Бил в грудь, в живот — удар за ударом, без жалости.

Линь Исин не уворачивался, даже не пискнул, принимая все удары на себя.

Линь Шэнь тяжело дышал, глядя на него сверху вниз:

— А ты хорош. Надо же, в таком возрасте провернуть подобное...

В его голосе сквозила такая насмешка, что сердце Линь Исина сжалось от удушливой боли.

Он не знал... не знал, что Линь Шэнь раскусит его, и уж тем более не ожидал, что такой ребенок бросится спасать других. И меньше всего он ожидал, что Линь Шэнь сам окажется в такой ситуации.

— Линь Исин, если бы Хэ Жаньжань действительно сломали жизнь, у тебя бы совесть не дрогнула? — Линь Шэнь усмехнулся. — Или у тебя ее вовсе нет?

Линь Исин посмотрел ему прямо в глаза:

— Разве тебе еще не ясно? Я — извращенец, я люблю насилие, люблю разрушение...

Он уже приставлял нож к горлу Линь Шэня, Линь Шэнь видел его посреди кровавого месива, а теперь узнал и о его эгоистичной, темной стороне...

— Это уже не первый раз. Ты должен знать, кто я такой.

— Раз уж ты все понял, иди и скажи родителям. Пусть выгонят меня из дома, отправят обратно в приют.

Все эти слова о том, что раз я тебя подобрал, ты теперь мой, — сплошная ложь.

Он сближается с Хэ Жаньжань, они едят вместе, ездят в одной машине, учатся в одном классе, болтают... А сам он словно изгой, отрезанный ломоть.

Теперь, когда он — подобранная бродячая собака — показал своих вшей и вирусы, Линь Шэнь просто выбросит его на улицу.

Линь Шэнь с силой пнул его:

— Линь Исин, к чему этот спектакль? Кто тебя обидел?

— Я к тебе плохо отношусь? Папа и мама тебя обижают? Кто тебе что должен, зачем ты вечно строишь из себя мученика?

— Сколько лет Хэ Жаньжань? Восемь! Ты, черт возьми, даже на восьмилетнюю руку поднял! Если бы она умерла, твоя душа была бы грязна до самой глубины.

— И еще, Линь Исин, если у тебя проблемы с психикой — лечись, не пользуйся этим как оправданием, чтобы безнаказанно травить невинных.

— У человека должны быть рамки. Некоторые вещи делать можно, а некоторые — ни за что. Не ценишь свою жизнь — твое дело, но не тащи других в ад, не боишься возмездия?

Линь Шэня распирало от гнева, грудь тяжело вздымалась, дыхание сбилось.

— Не вызывай у меня отвращения, ладно?

Линь Исин дрогнул кончиками пальцев:

— Отвращения?

Линь Шэнь смотрел на его бледное лицо:

— А разве это не отвратительно? Ты считаешь, что так поступают люди?

После того как Линь Шэнь от души его поколотил, Линь Исин выглядел совсем больным, губы потеряли всякий цвет, и в этом было что-то болезненно-упадочное.

Его глаза блестели, словно в них стояли слезы:

— Я завтра уеду.

Линь Шэнь помрачнел. Неужели нельзя не вести себя так, будто это он — тиран?

...Что за жалость такая... просто бесит...

Линь Шэнь коснулся его глаз — когда бил, нечаянно задел уголок, а кожа там очень нежная.

Едва коснувшись, он почувствовал влагу.

Сердце Линь Шэня смягчилось, он не смел больше смотреть Линь Исину в глаза.

— Эй... ты как?

Линь Исин закрыл глаза и промолчал.

Линь Шэнь вздохнул, прислонился к его плечу и пробормотал:

— Я же не выгонял тебя, куда ты собрался...

Линь Исин повторил:

— Я завтра уеду.

— Да пошел ты, куда я — туда и ты. Сиди смирно и никуда не рыпайся.

Линь Шэнь придвинулся ближе, потерся щекой о его плечо:

— Малыши должны быть послушными, не капризничай. Слышал?

— Ты на три года младше меня.

Линь Шэнь: «...»

Линь Шэнь обнял Линь Исина, вытер его теплые слезы и стал утешать:

— Брат, я всегда буду рядом.

Про себя Линь Шэнь ворчал: он же просто младший брат, не старший, и уж тем более не родитель, почему он должен нянчиться с ребенком?

Линь Исин протянул руку, медленно обвил его шею, большой палец нащупал пульс. В его глазах, казавшихся спокойными, горел странный жар.

— Шэнь-Шэнь... если ты солгал, давай умрем вместе, хорошо?

Тон его был таким ровным, без единого колебания, в нем сквозила лишь пустота, словно смерть — это нечто простое и обыденное.

Охренеть, Линь Шэнь опешил. Он по доброте душевной утешает этого парня, а тот, маленький извращенец, выдает такие ядовитые вещи.

Линь Исин подался вперед и, не говоря ни слова, впился зубами в шею Линь Шэня, словно вампир, пытаясь прокусить кожу до мяса.

Он кусал все сильнее, издавая холодный звук, похожий на шепот дьявола.

— Не смей уходить от меня, даже после смерти...

— Ты подобрал меня, теперь отвечай за меня всю жизнь...

Шею пронзила боль. Линь Шэнь одной рукой прижал его голову к себе, не отталкивая, а даже нежно поглаживая по волосам.

Наверное, этому ребенку просто не хватает любви, подумал Линь Шэнь.

— Ладно, ладно, буду отвечать...

Линь Исин кусал все сильнее, Линь Шэню уже казалось, что его сейчас разберут на части, и он поспешил напомнить:

— Брат, больно же.

Линь Исин словно впал в транс, не слыша его, продолжал грызть шею, обдавая ее горячим, тяжелым дыханием, отчего Линь Шэня начало щекотать.

— Брат, больно...

Линь Шэнь попытался отстраниться, но Линь Исин намертво вцепился в него. К счастью, хватку он все же немного ослабил.

Черт, Линь Исин, ты, мелкий извращенец, я тебе не утиная шейка! Чего присосался?

Наконец Линь Исин отстранился и уставился на Линь Шэня. Его взгляд словно превратился в веревки, стягивающие Линь Шэня. Это удушающее давление заставило Линь Шэня вздрогнуть.

Почему ему так... странно?

Будто он сам стал добычей?

— Поздравляю Хозяина, выполнено скрытое задание: заставить главного героя произнести более пяти предложений в одном диалоге. Плюс 50 баллов.

— Поздравляю Хозяина, выполнено скрытое задание: более пяти минут физического контакта с главным героем. Плюс 50 баллов.

— Поздравляю Хозяина, выполнено скрытое задание: сохранять мягкость сердца, когда главный герой плачет, и утешить его. Плюс 50 баллов.

Линь Шэню почудилось, будто с неба сыплются золотые монетки, звеня мелодично и приятно.

— Хозяин, у вас теперь 150 баллов. Куй железо пока горячо, попробуйте взять главного героя за руку, это тоже задание на 50 баллов.

Взять за руку?

Ты можешь объяснить, почему вообще существует такое задание! Это же... это же братская любовь, черт возьми!

Он был в замешательстве, чувствуя, что что-то здесь не так.

— Да, братская любовь. Асьяра когда-то сказал: все чувства в мире невозможны без физического контакта. Хозяин, подумайте сами: разве родственная любовь — это не когда родители берут вас за руку, помогая сделать первые шаги? Разве любовь — это не когда мальчики и девочки держатся за руки, краснея от смущения? Следовательно, братская любовь тоже немыслима без того, чтобы подержаться за руки.

Хм, звучит вроде бы логично...

А кто такой Асьяра?

Система помолчала...

— Это неважно. Хозяин, главное — не упускайте шанс выполнить такие легкие задания.

Да что я ломаюсь, подумал Линь Шэнь, просто возьму за руку... Он схватил руку Линь Исина и крепко сжал.

Линь Исин замер, в его глазах промелькнула рябь.

Линь Шэню стало неловко, но он принял безразличный вид:

— Чего уставился? Закрывай глаза и спи.

В следующую секунду Линь Исин притянул его к себе в объятия.

— Угу... спи.

Линь Шэнь смотрел на спящего Линь Исина, и его сердечко бешено колотилось.

Что за фигня тут творится?

Так они и уснули, маленькие, держась за руки в объятиях друг друга.

Лунный свет лился в окно, заливая кровать мягким сиянием — уютно и прекрасно.

Осень сменилась зимой, экзамены закончились, и наконец наступили зимние каникулы.

Выйдя из аудитории, Линь Шэнь увидел у дверей класса Линь Исина.

Он был в черном пуховике, на фоне которого кожа казалась почти прозрачной. За его спиной кружились снежинки, превращая мир в прекрасную картину.

И Линь Исин был частью этой картины: холодный, отстраненный, но при взгляде на Линь Шэня в его глазах промелькнула теплота.

— Брат, — позвал Линь Шэнь.

Они шли бок о бок, и тут Линь Шэнь осознал, что Хэ Жаньжань нет рядом. Обычно они ходили втроем, но сегодня на экзаменах они были в разных аудиториях.

Линь Исин думал, что Линь Шэнь пойдет ждать ее к школьным воротам, но у выхода Линь Шэнь сказал:

— Может, пройдемся сегодня пешком?

Это был первый снег в этом году — пронзительно холодный и ошеломляюще красивый.

Линь Шэнь, выходец с юга, при виде снега радовался, как будто встретил давно потерянного сына.

— А... она? — спросил Линь Исин, в его голосе слышалось ожидание.

— Я скажу дяде Чжану, пусть отвезет ее домой. А мы пойдем вдвоем.

Договорившись с водителем, они пошли по заснеженной дороге. Снег падал хлопьями, а на душе у Линь Шэня было тепло.

Линь Исин повернул голову и посмотрел на него. Восемилетний Линь Шэнь, такой маленький, в толстой куртке, с детской непосредственностью на нежном лице.

Этот кадр навсегда врезался в память Линь Исина.

Все самые прекрасные слова можно было отнести к Линь Шэню в этот миг: чистый, светлый, самое прекрасное создание на свете.

— Брат, чего ты на меня все время смотришь? Не боишься упасть?

Линь Исин опомнился и отвел взгляд вперед.

— Звонок только прозвенел, как ты оказался у нашего класса? — удивился Линь Шэнь.

— Я сдал работу раньше.

Линь Исин был не только маленьким извращенцем, но и маленьким отличником, стабильно первым в классе. Сдать работу раньше для него — пустяк.

Линь Шэнь хотел спросить, как он так быстро успевал добежать до его класса на переменах... но вопрос застрял в горле, отвлеченный чем-то другим.

На обочине старик торговал с тележки — под тентом стояла печка, на углях пеклись бататы, распространяя сладкий, дразнящий аромат.

Летний ветерок и прохладительные напитки, зимнее тепло и печеный батат — вот из чего складывается счастье.

У Линь Шэня глаза загорелись от восторга. Он был голоден, и, не раздумывая, бросился к тележке.

Укутанный в толстую одежду Линь Шэнь не успел пробежать и пары шагов по тонкому слою снега, как ноги разъехались.

Черт!

Он уже приготовился к падению, но Линь Исин, бежавший следом, успел подхватить его!

Линь Шэнь уткнулся в объятия Линь Исина. Теплые, с легким, свежим ароматом...

Линь Шэнь машинально поднял голову и обнаружил... что Линь Исин уже стал выше его на голову.

— Брат, хорошо, что ты успел, а то я бы точно растянулся. — Линь Шэнь выбрался из объятий и почесал затылок. — Только сейчас заметил, ты стал намного выше...

Линь Исин потрепал его по голове:

— Ты и должен быть ниже меня.

Линь Шэнь фыркнул и пошел покупать батат у старика.

— Поздравляю Хозяина, выполнено скрытое задание: заставить главного героя почувствовать удовлетворение и счастье. Плюс 100 баллов.

Удовлетворение? Счастье? Псих какой-то, он же ничего не сделал.

Неужели Линь Исин счастлив от того, что он чуть не упал, выставив себя на посмешище?

Э-э...

<http://bllate.org/book/21630/2231713>